

DOI: 10.31857/S013038640024421-1

© 2023 г. А.Ю. БЕЗУГОЛЬНЫЙ

МОСКОВСКИЕ МУЗЕИ НАКАНУНЕ И В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ОРГАНИЗАЦИЯ, СТРУКТУРА, ЭВАКУАЦИЯ

*Безугольный Алексей Юрьевич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).*

E-mail: besu111@yandex.ru

Scopus Author ID: 57221167901

Аннотация. В статье рассмотрено состояние музейной отрасли Москвы накануне Великой Отечественной войны и в первые ее месяцы, когда потребовались экстренные меры по перемещению в глубь страны большого количества музейных коллекций. В литературе тема рассмотрена в основном на примере отдельных московских музеев. Источниковую базу работы составили находящиеся в Государственном архиве Российской Федерации, Российском государственном архиве литературы и искусства и Центральном государственном архиве Москвы документы Народного комиссариата просвещения РСФСР, Комитета по делам искусств СССР, Моссовета. С началом войны главные усилия существенно сократившегося штата сотрудников музеев Москвы были нацелены на сбережение музейных коллекций. Экспозиционная деятельность была практически свернута. Опыт массовой консервации и перемещения музейных коллекций представляется актуальным с научной и практической точек зрения, тем более что сегодня управление музеями столь же децентрализовано, что и в годы войны. Это обстоятельство существенно затруднило организацию эвакуации музейных ценностей. Пришлось провести срочную категоризацию музейных предметов, выделив относительно небольшой по объему пласт важнейших исторических экспонатов, драгоценностей и шедевров искусства, подлежащих немедленной эвакуации. Остальные музейные коллекции были укрыты на территории самих музеев или сосредоточены в специальном объединенном хранилище. Вывоз музейных ценностей второй очереди в ноябре 1941 г. фактически был сорван в связи с невозможностью организовать железнодорожные перевозки. Непосредственная опасность музейным коллекциям была снята только после успешного контрнаступления войск Красной армии в декабре 1941 г.

Ключевые слова: СССР, музейное дело, музеи Москвы, Великая Отечественная война, эвакуация.

A.Yu. Bezugolny

Moscow Museums on the Eve and in the Initial Period of the Great Patriotic War: Organization, Structure, Evacuation

Alexey Bezugolny, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: besu111@yandex.ru

Scopus Author ID: 57221167901

Abstract. In the article, the author examines the condition of the museum industry in Moscow on the eve of the Great Patriotic War and in the first months thereof, when urgent measures were required to move a large number of museum collections far inland. In the research literature, the topic has been considered mainly on the example of individual Moscow museums. The source

base of the work comprises archival documents of the People's Commissariat of Education of the RSFSR, the Committee for Arts of the USSR, and the Moscow City Council. The author shows that since the beginning of the war, the main efforts of the significantly reduced staff of Moscow museums were aimed at saving museum collections. The exposition activity was practically curtailed. The experience of mass conservation and relocation of museum collections seems relevant from a scholarly and practical point of view, especially since today the management of museums is as decentralised as during the war. This circumstance made it much more difficult to organize the evacuation of museum valuables. An urgent categorisation of museum objects had to be carried out, selecting a relatively small number of the most important historical exhibits, jewels and masterpieces of art that had to be evacuated without delay. The rest of the museum collections were sheltered on the premises of the museums themselves, or were amassed in a special joint storage facility. The transportation of museum valuables in November 1941 was effectively disrupted by the inability to organise rail transport. The immediate danger to museum collections was only removed after the successful counter-offensive of the Red Army in December 1941.

Keywords: USSR, museum industry, Moscow museums, Great Patriotic War, evacuation.

Музеи всегда являлись важным элементом культурного ландшафта столицы. Статус музейного центра страны Москва получила вместе с переносом сюда столицы после революции, в 1920–1930-е годы шло быстрое развитие музейного дела. Накануне Великой Отечественной войны в городе находились важнейшие музейные учреждения страны, хранившие главные сокровища истории и культуры нашего народа. Это обстоятельство значительно осложнило мероприятия по сохранению и эвакуации культурных ценностей после внезапного нападения немецко-фашистских войск на Советский Союз в июне 1941 г.

Вопрос о состоянии и развитии музейной отрасли Москвы в годы Великой Отечественной войны затрагивался в отдельных публикациях в общем контексте изучения музейного дела в условиях войны¹. Многие крупнейшие московские музеи так или иначе осветили свою историю в этот период, в том числе в монографиях² и сборниках статей³. Тем не менее специального исследования о развитии музеев столицы, представлявших собой наиболее плотный музейный «конгломерат» в Советском Союзе, в условиях военного времени до сих пор нет. Более того, совершенно неисследованным остается организационный аспект музейной отрасли, а следовательно, не прояснены механизмы ее деятельности в чрезвычайных обстоятельствах войны, среди которых: организация и режим работы, сбережение фондов, эвакуация и реэвакуация, особенности выставочной и научной деятельности, комплектование коллекций в прифронтовых условиях, противоздушная охрана музейных зданий и т.д. Все эти вопросы представляются актуальными как с научной, так и с практической точки зрения.

Объект исследования – музейная отрасль Москвы – в годы войны (как, впрочем, и сейчас) управлялся децентрализованно. Поэтому материалы по деятельности музеев отложились в различных архивохранилищах – по ведомственной принадлежности музеев. Фонды самих музейных учреждений, там где они сохранились, за период войны в большинстве случаев весьма скудны и в них отложилась в основном финансовая отчетность. Нас интересовали главным образом материалы, позволяющие определить особенности и тенденции развития и функционирования всей музейной отрасли столицы.

¹ *Фатагирова Н.В.* Музейное дело в РСФСР в годы Великой Отечественной войны (аспекты государственной политики) // Музей и власть: сборник научных статей. М., 1991. С. 173–225; *Разгон А.М.* Эвакуация музеев и музейных коллекций в период Великой Отечественной войны // Слово о соратнике и друге: к 80-летию А.М. Разгона. М., 1999. С. 121–133; *Кантор Ю.З.* Невидимый фронт. Музеи России в 1941–1945 гг. М., 2017, и др.

² *Московский Кремль в годы Великой Отечественной войны.* М., 2010; *Котс А.Ф.* Собрание сочинений. Т. 3. Государственный Дарвиновский музей в годы Великой отечественной войны. К 70-летию Победы в Великой Отечественной войне. М., 2015, и др.

³ *Музейный фронт Великой Отечественной войны.* М., 2014.

Наиболее ценными в этом отношении представляются фонды Государственного архива Российской Федерации, в котором содержатся материалы Народного комиссариата просвещения (Наркомпроса) РСФСР, в его ведении которого находились многие центральные музеи Москвы. На Наркомпросе замыкались вопросы эвакуации музеев в начале войны, поэтому его материалы оказались наиболее важны для раскрытия темы.

В Российском государственном архиве литературы и искусства хранится фонд Государственного комитета по делам искусств при Совете народных комиссаров СССР, которому были подчинены музеи художественного профиля. Ряд краеведческих музеев находился в ведении московских властей; отдельные материалы по их истории обнаружены в Центральном государственном архиве Москвы. Многое можно почерпнуть из воспоминаний свидетелей и участников событий — музейных работников, представителей органов власти и партийных функционеров, участвовавших в мероприятиях по сбережению и спасению музейных ценностей столицы.

Накануне Великой Отечественной войны в Советском Союзе насчитывался 991 действующий музей, на территории РСФСР работало 592 учреждения⁴. Основная масса музеев находилась в ведении республиканских народных комиссариатов просвещения. В частности, в ведении Наркомпроса РСФСР к началу 1941 г. числилось 405 музеев, в том числе 23 — центрального подчинения (главным образом в Москве и Ленинграде) и 332 — местного подчинения (в основном краеведческие музеи)⁵.

Все музеи Наркомпроса РСФСР управлялись Музейно-краеведческим отделом Политико-просветительского управления Наркомпроса, к нему также относился Научно-исследовательский институт музейного дела, находившийся в Москве. Накануне войны отдел возглавил А.Д. Маневский⁶, на плечи которого в последующем и легли заботы по эвакуации и организации работы музеев в военных условиях. Непосредственно перед началом войны, 20 июня 1941 г., приказом наркома просвещения РСФСР были утверждены штаты, персональный состав и должностные оклады сотрудников наркомата⁷. Согласно документу Музейно-краеведческий отдел состоял из семи человек: кроме упомянутого А.Д. Маневского с окладом в 900 рублей, это его заместитель по научной работе музеев А.Н. Топорнин, старший инспектор-методист по центральным музеям М.Ф. Комарова, инспекторы-методисты по краеведческим музеям — Е.В. Пушкина, А.А. Семенова и Д.В. Айзиков, секретарь Е.М. Попова⁸.

Что касается Комитета по делам искусств при СНК СССР, то, в отличие от Наркомпроса РСФСР, он не имел единого органа руководства подведомственными музеями, оно распределялось между главными управлениями, входившими в структуру

⁴ Культура Советской России в годы Великой Отечественной войны. М., 1977. С. 12.

⁵ Разгон А.М. Указ. соч. С. 122.

⁶ Маневский, Алексей Дмитриевич (1904 — ?) — советский деятель культуры и науки, музеевед, краевед, историк книги. Закончил социально-экономический факультет Киевского государственного университета, учился в аспирантуре Музея революции (1933—1934) и Исторического музея по специальности историк-археолог (1934—1937). В 1939—1940 гг. был старшим научным сотрудником Исторического музея. Перед началом войны занимал должность заместителя начальника управления политпросветработы, позднее стал начальником Музейно-краеведческого отдела Наркомпроса РСФСР. В 1945—1947 гг. — директор Научно-исследовательского института краеведческой и музейной работы. В 1947 г. защитил в Институте этнографии АН СССР кандидатскую диссертацию «Домоногамные пережитки у восточных славян в X—XI вв.». Автор монографии «Возникновение книгопечатания на Руси» (М., 1939). См.: Наука о культуре. К 90-летию Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва / отв. ред. С.Ю. Житинёв. М., 2022. С. 56.

⁷ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. А-2306. Оп. 69. Д. 2690. Л. 173—202.

⁸ Там же. Л. 187—187 об.

Комитета, – Главным управлением театров, Главным управлением учреждений изобразительных искусств, Главным управлением учебных учреждений⁹.

Кроме этих двух основных ведомств, музеи содержались различными наркоматами, Академией наук СССР и общественными организациями.

В Москве по состоянию на начало Великой Отечественной войны действовало 77 музеев¹⁰. По классификации того времени они подразделялись на: историко-революционные, историко-бытовые, оборонного значения, народно-хозяйственные, технико-экономические, естественно-научные, художественные и литературные, театра и музыки, медицинские¹¹. Главные музеи столицы относились к двум уже упомянутым ведомствам: Наркомпросу РСФСР или Комитету по делам искусств СССР. Среди музеев Наркомпроса центрального подчинения следует упомянуть Государственный исторический музей (ГИМ), Политехнический музей, Музей революции СССР, Государственный литературный музей, Государственный Дарвиновский музей, Музей народов СССР, Музей Н.А. Островского, Библиотеку-музей В.В. Маяковского. Кроме того, опосредованно, через администрацию высших учебных заведений и научно-исследовательских институтов ему были подведомственны Музей антропологии МГУ, Горный музей им. академика А.Н. Терпигорева при Московском горном институте, Музей мозга при Институте мозга им. Бехтерева и ряд других.

Комитету по делам искусств СССР в Москве подчинялось восемь художественных музеев: Театральный музей им. А.А. Бахрушина, Музей при Государственном театре драмы им. А.С. Пушкина, Музей при МХАТ, Центральный музей музыкальной культуры им. Н.Г. Рубинштейна при Московской консерватории, Третьяковская галерея, Музей изобразительного искусства им. А.С. Пушкина, Музей восточных культур и Музей нового западного искусства¹².

Ряд узкопрофильных постоянных технических выставок, экспозиций и музеев были организованы промышленными и транспортными наркоматами. Например, Наркомлесу СССР был подчинен Музей леса, Наркомату речного флота СССР – Дом техники водного транспорта, Наркомату путей сообщения – Центральный дом техники железнодорожного транспорта.

Несколько музеев естественно-научной направленности относились к Академии наук СССР (палеонтологический, геологический и ряд других).

Особый статус имел Московский Кремль, являвшийся средоточием памятников древнерусского зодчества и музейных объектов, среди которых бесценными сокровищами обладала Оружейная палата Кремля. Кремлевские объекты подчинялись Управлению коменданта Кремля, в силу чего и начальником Государственной Оружейной палаты был человек в погонах – воентехник 1-го ранга Н.Н. Захаров¹³.

Московским властям через Управление культурно-просветительными предприятиями Мосгорисполкома были подведомственны три музея: Музей истории и реконструкции Москвы, Останкинский дворец-музей творчества крепостных, Музей керамики в Куусково. По линии московских властей работу культурно-просветительских предприятий, к которым относились и музеи, курировала заместитель председателя исполкома Мосгорисполкома М.Г. Смирнова. Управление культурно-просветительских предприятий при Моссовете с февраля 1940 по 27 октября 1941 г. возглавляла Е.А. Орлова¹⁴.

⁹ Там же. Д. 452. Л. 66.

¹⁰ Краткий указатель музеев Москвы и Московской области. М., 1941.

¹¹ Там же. С. 141.

¹² РГАЛИ. Ф. 962. Оп. 19. Д. 452. Л. 66.

¹³ Московский Кремль... С. 67.

¹⁴ Гарнюк С.Д. Московская власть. Советские органы управления. Март 1917 – октябрь 1993. Справочник. М., 2011. С. 423, 768.

Наконец, существовали и негосударственные музеи, самым известным из которых в Москве был Центральный антирелигиозный музей добровольной общественной организации «Союз воинствующих безбожников».

Накануне войны музейная отрасль столицы энергично развивалась. Открывались новые музеи, реконструировались и строились музейные здания. Организация новых музеев значительно опережала возможности изыскания площадей для них, поэтому многие учреждения делили общие помещения. Например, в здании Политехнического музея (Китайский проезд, 3/4), кроме самого этого музея, располагалось еще шесть музеев и постоянных выставок. В помещениях Московского геолого-разведывательного института им. Серго Орджоникидзе (Моховая ул., 11) располагалось три музея и т.п.

В то же время активно шло расселение музеев. В частности, заканчивалось строительство нового здания для Музея революции СССР, которое должно было завершиться к концу 1940 г. Однако достроить объект не успели, а с началом войны и вовсе заморозили. В новое помещение переехал Музей народов СССР. Музей А.С. Пушкина должен был покинуть здание Исторического музея на Красной площади. В 1938 г. новое просторное помещение получил Музей МХАТ, но до войны переезд завершить не успел¹⁵. В 1940 г. закончилась коренная перестройка церкви свт. Николая в Новой Слободе (Калаяевская, ныне — Долгоруковская ул.) для Центрального антирелигиозного музея¹⁶. Готовилось открытие музеев Н.Г. Чернышевского и Музея народного образования (последний решением СНК РСФСР переносился из Ленинграда и объединялся с московским Музеем детской книги¹⁷), им как раз накануне войны были выделены помещения в Москве¹⁸. 20 июня 1941 г. правительственная комиссия приняла постоянную выставку творчества В.В. Маяковского, под которую был занят целый особняк (ул. Кропоткинская, ныне — Пречистенка, 12). На организацию выставки был потрачен 1 млн руб.¹⁹ За несколько месяцев до начала войны в центре Москвы (ул. Горького, 40, ныне — Тверская, 14) был открыт Государственный музей Н.А. Островского, директором которого стала вдова писателя Р.П. Островская²⁰. Подразделение Московской консерватории — Музей им. Н.Г. Рубинштейна — получило более высокий статус, став не только музеем учебного заведения, но универсальным и единственным в стране музеем музыкальной культуры. С марта 1941 г. он официально стал называться Центральным музеем музыкальной культуры им. Н.Г. Рубинштейна²¹. Осенью 1940 г. Совнаркомом РСФСР также было принято решение об открытии в Москве музея основателя отечественной авиации профессора Н.Е. Жуковского (был открыт только в 1947 г.)²². Были собраны коллекции, связанные с рядом русских ученых (М.В. Ломоносова, И.В. Мичурина, Д.И. Менделеева)²³, очевидно, с целью дальнейшего развертывания персональных музейных выставок.

Хотя в подчинении московских властей (Московского городского Совета депутатов трудящихся — Моссовета) было всего несколько музеев, будучи распорядителями всей столичной недвижимости, они находились в самом центре организации музейного дела. Решение об открытии или реорганизации музейного учреждения принималось на уровне союзного или республиканского правительства, после чего отправлялось на исполнение в соответствующий орган исполнительной власти, в частности в Наркомпрос РСФСР, который обращался в Моссовет с просьбой о выделении подходящего помещения.

¹⁵ Шингарева Е.А. Хроника будней военных лет // Музейный фронт... С. 264.

¹⁶ Трюкова Е.А. Центральный антирелигиозный музей в Москве: страницы истории (1929–1947) // Религиоведение. 2019. № 4. С. 121 – 127.

¹⁷ ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 69. Д. 2652. Л. 120.

¹⁸ Там же. Д. 2677. Л. 7.

¹⁹ Там же. Д. 3015. Л. 97

²⁰ Андропова Т.И. Книга-боец // Музейный фронт... С. 281.

²¹ Гинзбург Т.В. Поворотные годы // Музейный фронт... С. 254.

²² ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 69. Д. 2652. Л. 187.

²³ Там же. Оп. 75. Д. 91. Л. 14.

Московские власти принимали решение о передаче заинтересованному ведомству того или иного здания. Поскольку, как правило, для этих целей требовались особняки в центре Москвы, Моссовет не мог быстро удовлетворить такие просьбы. Поэтому решение вопроса нередко затягивалось. Например, организуемому Музею Н.Г. Чернышевского до начала войны так и не удалось подыскать подходящего помещения²⁴. В случае организации мемориальных музеев, посвященных выдающимся личностям, нередко на повестку дня выходил пресловутый квартирный вопрос. Так, Музейно-краеведческий отдел Наркомпроса РСФСР планировал открыть в 1941 г. филиал Биологического музея им. К.А. Тимирязева в его квартире (ул. Грановского, 2, кв. 29). Хранителем музея-квартиры должен был стать его сын профессор А.К. Тимирязев. Однако от Моссовета требовалось переселить из помещения трех жильцов, не имеющих отношения к семье К.А. Тимирязева²⁵. Решение вопроса с расселением затянулось на несколько лет.

Начавшаяся Великая Отечественная война сразу же отразилась на деятельности музеев. Большинство годных к строевой службе мужчин были призваны в армию, а другие откликнулись на призыв вступать в Московское народное ополчение. Достаточно сказать, что только из одного из крупнейших музеев страны – Исторического – было мобилизовано 98 сотрудников, или 40% всего персонала. Около 30 из них не вернулись с фронта²⁶. Из Музея революции СССР в Красную армию и в народное ополчение в первые недели войны ушло 38 сотрудников²⁷.

Все средства страны были обращены на оборону. Расходы учреждений культуры неизбежно сокращались. Так, уже в первые недели бюджет Наркомпроса РСФСР урезался дважды. В части содержания музеев предписывалось расходовать имеющиеся суммы только на зарплату, охрану имущества и зданий и отопление помещений²⁸. Аналогичным образом сокращались расходы в музеях, подведомственных Комитету по делам искусств. «С сегодняшнего дня никакие счета музея, кроме штатных доплат, приниматься к оплате не будут по распоряжению Комитета [по делам искусств]... – записано в дневнике директора Музея МХАТ Н.Д. Телешова 5 июля 1941 г. – Никакие покупки или заказы, никакие трудовые работы более не могут иметь место в музее»²⁹. До предела сокращались штаты сотрудников – иногда до одного-двух человек. В этих условиях музеи волей-неволей вынуждены были прекращать прием посетителей.

Важнейшим мероприятием для музейной отрасли столицы в начальный период войны стала эвакуация коллекций в глубокий тыл. К началу войны советские музеи не имели эвакуационных планов, за исключением нескольких ленинградских музеев и музеев Приморья, что объяснялось их приграничным положением. Московские музеи к эвакуации совершенно не готовились, в связи с чем это мероприятие приняло несколько спонтанный и хаотичный характер. Маршруты эвакуации, конечные пункты размещения, транспорт – все продумывалось на ходу. По этой же причине к составлению списков на эвакуацию, определению очередности эвакуации, заготовке тары приступили лишь в самый последний момент.

Впрочем, первой, отдельно и независимо от всех прочих музеев столицы, весьма организованно была проведена эвакуация фондов Государственной Оружейной палаты Кремля. В инициативном порядке подготовка сокровищ Оружейной палаты к эвакуации началась практически в первый же день войны. А правительственное постановление СНК СССР № 1776-779сс «О вывозе из Москвы государственного запаса драгоценных

²⁴ Там же. Оп. 69. Д. 2652. Л. 138.

²⁵ Там же. Л. 161.

²⁶ Сайт Государственного исторического музея // URL: <https://shm.ru/iwt/index.html?v=6> (дата обращения: 12.08.2022).

²⁷ *Ольшевская Г.К.* На передовом рубеже // Музейный фронт... С. 288.

²⁸ ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 69. Д. 2697. Л. 29–30.

²⁹ *Шингарева Е.А.* Указ. соч. С. 266.

металлов, драгоценных камней, Алмазного фонда СССР и ценностей Оружейной палаты Кремля» последовало уже 27 июня 1941 г.³⁰ 30 июня, 1 и 5 июля 1941 г. груз ценностей Гохрана НКВД СССР, хранившихся в кладовых № 1 и № 2 Московского Кремля, а также Оружейной палаты, упакованный в 277 ящиков, отправился на восток, в Свердловск и Челябинск. На погрузку и охрану особо ценного груза была назначена вооруженная команда из состава войск, которые несли службу на территории Кремля. Уже к 10 июля все вывезенные ценности не только прибыли на место и были разгружены, но и заняли свои места в новых хранилищах. При транспортировке пострадал только один экспонат Оружейной палаты: орел из слоновой кости лишился своего оперения³¹.

Эвакуацию ценностей Оружейной палаты можно признать образцовой по сравнению с аналогичными мероприятиями в отношении остальных музейных коллекций, проходившими в течение 1941 г., где встречалось уже немало организационных трудностей.

Почти одновременно эвакуацию подведомственных музеев начал Комитет по делам искусств при СНК СССР. По указанию комитета, уже 23 июня в московских художественных музеях прошли экстренные совещания «на предмет возможной эвакуации»³². Музейные экспонаты предстояло разделить на две категории: шедевры мирового значения — первая очередь эвакуации; уникальные произведения и редкие памятники — вторая очередь³³. 24–25 июня началось свертывание экспозиций — шедевры переносились в подвал. При этом первое время работа художественных музеев и прием посетителей продолжались.

Следует иметь в виду, что никакого, даже минимального, опыта массовой эвакуации произведений искусства у музейных работников не было. В обычное время даже такие работы, как перенос картины из одного зала в другой, обсуждался на комиссии специалистов. Теперь же необходимо было определить способ демонтажа, упаковки и транспортировки тысяч экспонатов с минимальным риском повреждений, колебаний температуры и влажности. При подготовке к эвакуации картин Государственной Третьяковской галереи и Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина было решено использовать навыки, полученные при транспортировке картин в Нью-Йорк на Международную выставку русского искусства в 1924 г. Большие картины наматывались на специальные рулоны, заключались в металлическую оболочку, запаивались и упаковывались в ящики с хорошей изоляцией. Картины средних и малых размеров упаковывались в ящики, обитые фанерой и оклеенные дерматином³⁴.

Третьяковская галерея и Музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина эвакуировались в приоритетном порядке. Остальные музеи, подчиненные Комитету по делам искусств при СНК СССР, вывозились, что называется, по остаточному принципу. Например, в Центральный музей музыкальной культуры им. Н.Г. Рубинштейна только 10 июля поступило распоряжение из Главного управления учебных заведений Комитета по делам искусств СССР, согласно которому все сотрудники музея, кроме директора Е.Н. Алексеевой, увольнялись. Последняя отвечала за хранение имущества и оборудования музея. За несколько дней до расчета сотрудники подготовили два ящика самых ценных партитур (М.П. Мусоргского, С.В. Рахманинова, П.И. Чайковского и др.) и передали их по акту директору Третьяковской галереи А.И. Замошкину, который принял их в эвакуационный поезд. Конечно, эвакуировать удалось лишь мизерную и физически наименее объемную часть коллекции музея. На попечении директора осталась большая коллекция старинных музыкальных инструментов, спрятать их было негде, и они оставались в стенах музея в течение всего периода битвы за Москву³⁵.

³⁰ Московский Кремль... С. 104.

³¹ Там же.

³² *Александрова Н.В.* «Другая» война // Музейный фронт... С. 236.

³³ Там же.

³⁴ *Буянова Н.В., Власова М.С., Жукова Л.А.* В эвакуации // Музейный фронт... С. 310.

³⁵ *Гинзбург Т.В.* Указ. соч. С. 254–255.

15 июля 1941 г. эшелон, в составе которого было 17 вагонов (634 ящика) с грузами Третьяковской галереи, Музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина, Музея нового западного искусства, Музея восточных культур, Большого театра, Центрального музея музыкальной культуры им. Н.Г. Рубинштейна и Выставки индустрии социализма, отправился в Новосибирск, куда прибыл 25 июля³⁶.

15 августа вторая партия художественных ценностей Государственной Третьяковской галереи и других художественных музеев (41 ящик с 2294 работами живописи, графики и скульптуры) была отправлена в Пермь и Новосибирск водным путем на барже³⁷.

Не менее масштабная эвакуация предстояла музейным учреждениям Наркомпроса РСФСР. Директивное распоряжение об эвакуации было принято Советом по эвакуации при СНК СССР³⁸ 18 июля 1941 г. за № 507. В этот же день народный комиссар просвещения РСФСР В.П. Потемкин издал совершенно секретный приказ № 1546сс с указанием в декадный срок вывезти из Москвы дорогостоящие экспонаты, уникальные книги, рукописи из музеев и библиотек. Организация вывоза была возложена на начальника Политпросветуправления Наркомпроса РСФСР Никифорова и начальника Музейно-краеведческого отдела этого управления А.Д. Маневского³⁹.

Для определения очередности эвакуации, по предложению Маневского, все экспонаты разделили на три категории. Первая категория подлежала безусловной эвакуации, вторая — по возможности, третья оставалась на месте. Экспонаты, отнесенные ко второй и третьей категориям и не подлежавшие отправке в тыл, с точной описью упаковывались, прятались или маскировались на месте, чаще всего в подвалах самих музеев. В отношении них принимались меры охраны силами самих музейных учреждений.

27 июля по Волге на барже был отправлен груз ценностей, получивший наименование Государственное хранилище № 1⁴⁰. Решением В.П. Потемкина начальником эшелона музейных и библиотечных ценностей был назначен директор музея Н.Г. Чернышевского Л.Д. Морозов, а комиссаром — Г.И. Петровский. Всего в связи с эвакуацией в конце июля отъезжало 120 сотрудников московских музеев и библиотек, состоящих на работе в системе Наркомпроса РСФСР⁴¹. Конечным пунктом был определен город Хвалынский Саратовской области. Надо отметить, что места для эвакуации подбирались буквально на ходу, по условиям обстановки. Например, Госхранилище № 1 первоначально планировалось направлять в Киров и Свердловск, однако туда уже поступали музейные коллекции из Пскова, Новгорода и Ленинграда, и подходящих площадей в этих городах больше не было⁴².

В составе Госхранилища № 1 наибольшее место занимали фонды Государственного исторического музея: 530 ящиков, а 11 ящиков с гербами союзных республик, инкрустированных драгоценными и полудрагоценными камнями, были сданы на хранение в Гохран НКВД. Кроме того, в июле 1941 г. в Гохран НКВД было передано 20 сундуков ценнейших коллекций из золота, серебра, платины с драгоценными камнями. Основное собрание уникальных коллекций было вывезено (изделия из драгоценных металлов и с драгоценными камнями, бытовые вещи, керамика, оружие, рукописи, книги,

³⁶ Там же. С. 254.

³⁷ Сайт Минкультуры РФ «Культурные ценности — жертвы войны» // URL: <http://lostart.ru/catalog/ru/tom3p1/> (дата обращения: 07.07.2022).

³⁸ Создан 24 июня 1941 г. постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР «для руководства эвакуацией населения, учреждений, военных и иных грузов, оборудования предприятий и других ценностей» в составе Л.М. Кагановича (председатель), А.Н. Косыгина (заместитель председателя), Н.М. Шверника (заместитель председателя), Б.М. Шапошникова, С.Н. Круглова, П.С. Попкова, Н.Ф. Дубровина и А.И. Кирпичникова. С 3 июля 1941 г. председатель Совета по эвакуации — Н.М. Шверник.

³⁹ ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 74. Д. 6. Л. 4.

⁴⁰ Фатагурова Н.В. Указ. соч. С. 183–184.

⁴¹ ГАРФ. А-2306. Оп. 69. Д. 2750. Л. 80.

⁴² Карапетян Л.А. К вопросу о недостатках государственной политики охраны музейных собраний в годы Великой Отечественной войны // Вестник Краснодарского государственного института культуры. 2020. № 1. С. 5. URL: <https://vestnikkguki.esrae.ru/24-427> (дата обращения: 13.02.2023).

иллюстративный материал, карты, картины, нумизматические и археологические коллекции и т.д.).

Из московских музеев центрального подчинения Наркомпроса РСФСР также эвакуировали свои коллекции в составе Госхранилища № 1: Государственный музей революции СССР (71 ящик); Государственный литературный музей (25 ящиков); Государственный музей народов СССР (73 ящика); Государственный политехнический музей (10 ящиков); Государственный биологический музей (9 ящиков); Государственная библиотека-музей им. В.В. Маяковского (3 ящика)⁴³. Следует также упомянуть, что совместно с музеями эвакуировались наиболее ценные фонды главных библиотек страны — Государственной библиотеки им. В.И. Ленина, Государственной публичной исторической библиотеки и Центральной государственной библиотеки иностранной литературы.

7 ноября 1941 г. в связи с ухудшением обстановки на фронте и боях на ближних подступах к Москве Госхранилище № 1, разместившееся в здании школы в центре Хвалынска, было отправлено в еще более глубокий тыл — в казахстанский Кустанай. Интересно, что решение об этом было принято на общем собрании коллективов эвакуированных учреждений, прошедшем в этой же хвалынской школе⁴⁴. В тех условиях музейные работники обладали значительной автономией в принятии решений. Эвакуация проходила по железной дороге. «Вагоны с музейными ценностями входят в длинный состав, — вспоминали сотрудники ГИМ. — Их постоянно переформируют, прицепляя то в хвост, то в середину. Музейщики-дежурные выходят, пересчитывают, чтобы не потерять какой-нибудь вагон. Выбегаем на всех остановках. Паровоз трогается без предупреждения. Можно отстать, поэтому на всякий случай берем с собой корку хлеба и паспорт»⁴⁵.

Эвакуируемым из Москвы музейным работникам было строго запрещено сеять «на периферии», как это именовалось, панику и слухи: ведь местное население ждало от жителей столицы новостей. Например, директор Научно-исследовательского института краеведческой работы А.А. Ширямов в августе 1941 г. обратился к директору Ульяновского краеведческого музея с весьма невинной просьбой: «в порядке товарищеской любезности» проконсультировать его о наличии и стоимости в городе жилья, правилах прописки и постановки на продовольственный учет для семей сотрудников его института, неосторожно присовокупив, что «после оставления Смоленска не исключена возможность такой же участи и для Москвы»⁴⁶. Бдительный ульяновский коллега незамедлительно сообщил по линии руководства Наркомата просвещения о трусливом и паникерском поведении Ширямова, последний был уволен с передачей материалов «о распространении ложных слухов» следственным органам⁴⁷.

Первая волна эвакуации охватила, может быть, и ценнейшую, но лишь малую часть музейных коллекций. Значительная часть коллекций оставалась на месте. И хотя только немногим вражеским бомбардировщикам удавалось прорваться сквозь плотную противоздушную оборону защитников столицы, очевидной была угроза необратимой утери музейных коллекций и повреждения самих музейных зданий. В эти дни в штаты музеев, остающихся в Москве (Музей В.В. Маяковского, Литературный музей и др.), вводятся, там, где их не было ранее, должности начальников пожарной охраны⁴⁸.

Согласно указанию В.П. Потемкина от 24 июля 1941 г., большинство музеев Москвы были закрыты для посетителей⁴⁹. Их экспозиции сворачивались и принимались меры

⁴³ ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 75. Д. 91. Л. 1 об.

⁴⁴ Сайт Государственного исторического музея // URL: <https://shm.ru/iwt/evacuation.html?v=6> (дата обращения: 12.08.2022).

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 69. Д. 2652. Л. 20.

⁴⁷ Там же. Л. 19.

⁴⁸ Там же. Д. 2750. Л. 67.

⁴⁹ Свирина О.В. Героические московские будни // Музейный фронт... С. 295.

к эвакуации или консервации фондов. То же происходило и с художественными музеями. Единственным музеем, продолжавшим работу, был Государственный исторический музей. По своему почину он открыл пополняемую тематическую выставку, рассказывающую о борьбе с немецким фашизмом.

Между тем в августе 1941 г. налеты вражеской авиации на столицу приняли систематический характер. Встал вопрос об организации надежного хранилища для экспонатов, отнесенных ко второй категории. 15 августа приказом по Наркомпросу РСФСР № 590 А.Д. Маневскому было поручено «создать в Москве объединенное хранилище для фондов Государственного литературного музея, Музея революции СССР, Музея народов СССР, Биологического музея, Музея Дарвина, Музея Чернышевского и Научно-исследовательского института музейной работы». Хранилище, названное «Объединенное хранилище фондов», или «Госхранилище № 2», разместилось в здании церкви свт. Николая на Берсеневке, в котором располагались реставрационные мастерские, а по соседству – НИИ музейной работы Наркомпроса РСФСР (ныне – НИИ культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва)⁵⁰. Перечисленные музеи откомандировывали из числа штатных сотрудников по несколько человек для несения пожарно-сторожевой охраны хранилища. Начальником хранилища была назначена Ц.М. Малая. Предполагалось, что из этого хранилища музейное имущество будет постепенно вывозиться в тыл, однако большая часть коллекций так и осталась на месте.

В конце августа деятельность музеев, располагавшихся на территории Москвы, была еще больше ограничена. 23 августа А.Д. Маневский обратился к В.П. Потемкину, предложив комплекс мероприятий «в целях обеспечения сохранности музейных ценностей и целесообразного расходования государственных средств». Предлагалось провести следующие меры оптимизации:

- сворачивалась работа по открытию новых музеев Н.Г. Чернышевского и народного образования. Их фонды передавались соответственно Государственному литературному музею и НИИ школ. Штаты этих музеев сокращались до минимума;

- временно сворачивался Музей Н.А. Островского. Фонды его также передавались в Государственный литературный музей, а штат сокращался;

- временно закрывались для посетителей филиалы Государственного исторического музея: Музей бывшего Покровского собора Василия Блаженного; Музей боярского быта «Троица в Никитниках», «Коломенское»; филиалы Музея революции СССР: Музей Красной Пресни, «Подпольная типография ЦК большевиков»; филиалы Государственного литературного музея: выставки М.Е. Салтыкова-Щедрина и М.В. Ломоносова, Музей Ф.М. Достоевского. Ценные фонды из филиалов надлежало вывезти в центральные музеи и включить в общие мероприятия по сохранности⁵¹.

Предложенные мероприятия были утверждены наркомом 24 августа.

В это же самое время решением правительства Наркомпрос РСФСР частично был эвакуирован в Киров. 16 августа 1941 г. нарком утвердил список сотрудников, отправлявшихся вместе с семьями в Киров. Среди них были три заместителя наркома: М.В. Сарычева, возглавившая работу аппарата ведомства в Кирове, а также П.В. Титков, Н.Ф. Гаврилов. С ними отправилось еще 170 человек, в числе которых были сотрудники Музейно-краеведческого отдела А.Н. Топорнин, Е.В. Пушкина и А.А. Семенова⁵². В Москве остался А.Д. Маневский. 17 ноября 1941 г. штат центрального аппарата Наркомпроса был сокращен до 277 единиц⁵³, но штат Музейно-краеведческого отдела остался без изменений.

В самих музеях на штатных должностях оставался необходимый минимум сотрудников, однако часть из них только числилась, но на самом деле находилась на фронте в

⁵⁰ ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 69. Д. 2692. Л. 77.

⁵¹ Там же. Д. 2750. Л. 79.

⁵² Там же. Д. 2691. Л. 85–95.

⁵³ Там же. Д. 2677. Л. 98.

частях народного ополчения. Согласно постановлению Государственного Комитета Обороны № 10 от 4 июля 1941 г., эти сотрудники продолжали получать должностной оклад, а их трудовой стаж не прерывался⁵⁴. Так, Дарвиновский музей приказом по Народному комиссариату просвещения РСФСР был временно законсервирован с 1 декабря 1941 г. На штатных должностях оставалось семь сотрудников (директор, два таксидермиста, два научных сотрудника, бухгалтер-инкассатор и уборщица), двое из которых находились в ополчении⁵⁵. Одновременно с Дарвиновским музеем был законсервирован Музей народов СССР. Все его здания, экспонатные фонды и хозяйственное оборудование были переданы на ответственное хранение Государственному историческому музею. В штате музея осталось семь сотрудников, трое из которых находились вне Москвы (с эвакуированными ценностями), а также девять ополченцев, которые продолжали получать зарплату по штатному расписанию⁵⁶.

Самым тяжелым временем для московских музеев стал период с середины октября по ноябрь 1941 г., когда над столицей нависла непосредственная опасность. В условиях печально известной «московской паники» 16–20 октября ряд директоров московских музеев и их заместители 16 октября в срочном порядке покинули Москву. Бросила Объединенное хранилище фондов на Берсеневской набережной, в которое сдали свои ценности главные музеи, его заведующая Малая. «За самовольный отъезд из Москвы» в ноябре 1941 г. она была снята с работы⁵⁷. В одном из отчетных документов А.Н. Топорнин сообщал, что ему пришлось осуществить «фактическую ревизию Объединенного музейного хранилища на Берсеневке, брошенного на произвол судьбы в октябре месяце быв. заведующей гр. Малой»⁵⁸. Аналогичным образом 17 октября директор Музея истории и реконструкции Москвы Е.Я. Лифшиц уехала из столицы, «не представив никаких распоряжений о ее выезде, вместе с тем дала личное распоряжение рассчитать всех сотрудников музея с выплатой месячного выходного пособия и выдать всем трудовые книжки и справки об увольнении по эвакуации из г. Москвы»⁵⁹. 16 октября Москву покинул директор Политехнического музея В.И. Смышляков, отправившийся к себе на малую родину в Ивановскую область и даже не назначивший себе замену⁶⁰. Справедливости ради нужно сказать, что были примеры и беззаветной преданности своему делу. Так, директор Музея МХАТ Н.Д. Телешов «поблагодарил, но воздержался от выезда» в Саратов вместе с театром, так как «весь музей остался в Москве, а без него ехать не для чего»⁶¹.

Характерно, что разбираться с правомерностью действий музейной администрации стали только во второй половине ноября 1941 г., поскольку основной аппарат Наркомпроса также экстренно эвакуировался в Киров, и здесь тоже не обошлось без нервозности и неразберихи (в частности, в спешке был уничтожен хранившийся в здании Наркомпроса архив Н.Г. Крупской и другие важные документы). В конце ноября приказами Н.Ф. Гаврилова директора музеев, уехавшие из Москвы, увольнялись задним числом с 16 октября с формулировкой «ввиду отъезда из г. Москвы»⁶². Правда, некоторым из них в последующем со ссылкой на форс-мажорные обстоятельства удалось восстановиться в своих должностях. Например, упомянутый Смышляков был уволен 19 ноября 1941 г.,

⁵⁴ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 1. Л. 110–112.

⁵⁵ ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 69. Д. 2693. Л. 23.

⁵⁶ Там же. Л. 33.

⁵⁷ Там же. Л. 7.

⁵⁸ Там же. Оп. 75. Д. 91. Л. 13.

⁵⁹ Центральный государственный архив города Москвы (далее – ЦГАМ). Ф. 150. Оп. 1. Д. 739а. Л. 88.

⁶⁰ Свирина О.В. Указ. соч. С. 296.

⁶¹ Цит. по: Шингарева Е.А. Указ. соч. С. 271–272.

⁶² Рядом приказов от 19 ноября 1941 г. были уволены директора Политехнического музея, Музея народов СССР. См.: ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 69. Д. 2693. Л. 3, 11.

а восстановлен в должности уже 28 ноября⁶³. Непременным условием восстановления было возвращение в Москву на рабочее место.

Нельзя не отметить, что, несмотря на «заморозку» музейной работы, деятельность по музеефикации объектов историко-культурного наследия продолжилась даже с началом войны. Например, 4 июля 1941 г. решением Московского городского Совета депутатов трудящихся было принято решение о закрытии одной из немногих действующих приходских церквей Москвы — Покрова в Филях. Храм, построенный в 1691 г. в уникальном стиле так называемого «нарышкинского барокко», имел богатую историю, полностью сохранил внешнее и внутреннее убранство. По инициативе городских властей была создана авторитетная экспертная комиссия из специалистов Наркомпроса РСФСР и профильных музеев (Государственного исторического музея, Третьяковской галереи, Центрального антирелигиозного музея), давших заключение о «необходимости сохранения этого памятника старины в нетронутом виде и превратить его в историко-художественный музей XVII века»⁶⁴. 9 августа 1941 г. решением исполкома Моссовета церковь Покрова в Филях была передана «для использования как музей» Музейно-краеведческому отделу Наркомпроса РСФСР. Ведомству было предложено «обеспечить полную сохранность этой церкви как памятника старины, истории древней русской культуры и искусства»⁶⁵.

Вторая волна эвакуации, организация которой началась в середине ноября 1941 г., пришлось на самые трудные дни битвы за столицу. На железнодорожные станции успели привезти имущество Исторического, Литературного музеев, Музея народов СССР и Музея революции. В декабре 1941 г. в Омск было отправлено три вагона ГИМ; четыре вагона в Молотов (Пермь) отправил Государственный литературный музей⁶⁶. Однако на этом фактически эвакуация прервалась: транспорт больше не подавался. По сути вторая волна эвакуации была сорвана и результаты ее оказались мизерными. Часть музеев (например, Политехнический, Музей МХАТ и др.) упаковали имущество в ящики, но так и не дождалась вывоза его на станции. Оставшееся на станциях имущество охранялось силами сотрудников самих музеев, а в конце декабря А.Н. Топорнин сообщал, что в связи с успешным контраступлением Красной армии сосредоточенное на станциях имущество «увозится обратно в музеи на хранение»⁶⁷.

Тем не менее, безусловно, рядовые сотрудники музеев и руководящий состав делали все от них зависящее в тех тяжелых условиях. В ноябре—декабре 1941 г., в самое критическое для Москвы время, на своих рабочих местах в столице продолжали находиться Н.Ф. Гаврилов, на которого как раз возлагались вопросы эвакуации, а от музейного «ведомства» — А.Н. Топорнин. Вторая волна эвакуации, а также дальнейшие мероприятия по консервации, слиянию, упразднению оставшихся музеев, ревизии состояния музейных коллекций, определения размеров разрушений и повреждений, причиненных московским музеям в результате налетов вражеской авиации, легли на плечи Топорнина и его немногочисленных помощников.

В целом удалось избежать значительного ущерба зданиям московских музеев и утраты экспонатов. Конечно, главная заслуга в этом принадлежит защитникам Москвы — военнослужащим Красной армии и ополченцам, не пустившим врага в столицу ни по земле, ни по воздуху. Прямых попаданий разрушительных фугасных бомб по музейным зданиям (в отличие от, например, театральных) не зафиксировано, хотя мелкие «зажигалки» сыпались на московские крыши как горох. Сильно пострадали только некоторые здания Кремля, в том числе Арсенал. В то же время большинство музейных зданий, находившихся в центре города, так или иначе понесли ущерб от действия взрывной волны, как

⁶³ Там же. Л. 35.

⁶⁴ ЦГАМ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 723. Л. 184.

⁶⁵ Там же. Л. 182.

⁶⁶ ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 75. Д. 91. Л. 1—1 об.

⁶⁷ Там же. Л. 13.

правило, это выбитые стекла и рамы. Например, существенный ущерб от взрывов неподалеку понесли здания Политехнического музея и Третьяковской галереи. Выбитыми окнами и рамами были существенно повреждены внутренние интерьеры зданий, из которых, к счастью, уже были вывезены наиболее ценные экспонаты — и в этом уже заслуга сотрудников музеев, работавших в тяжелейших условиях не покладая рук.

Библиография

- Александрова Н.В.* «Другая» война // Музейный фронт Великой Отечественной войны. М., 2014. С. 236–244.
- Андропова Т.И.* Книга-боец // Музейный фронт Великой Отечественной войны. М., 2014. С. 280–286.
- Буянова Н.В., Власова М.С., Жукова Л.А.* В эвакуации // Музейный фронт Великой Отечественной войны. М., 2014. С. 310–318.
- Гарнюк С.Д.* Московская власть. Советские органы управления. Март 1917 — октябрь 1993. Справочник. М., 2011.
- Гинзбург Т.В.* Поворотные годы // Музейный фронт Великой Отечественной войны. М., 2014. С. 252–262.
- Кантор Ю.З.* Невидимый фронт. Музеи России в 1941–1945 гг. М., 2017.
- Карапетян Л.А.* К вопросу о недостатках государственной политики охраны музейных собраний в годы Великой Отечественной войны // Вестник Краснодарского государственного института культуры. 2020. № 1. URL: <https://vestnikkugki.esrae.ru/24-427> (дата обращения: 13.02.2023).
- Котс А.Ф.* Собрание сочинений. Т. 3. Государственный Дарвиновский музей в годы Великой отечественной войны. К 70-летию Победы в Великой Отечественной войне. М., 2015.
- Московский Кремль в годы Великой Отечественной войны / руководитель Е.А. Муров, С.В. Деятов, В.И. Жилиев и др. М., 2010.
- Наука о культуре. (К 90-летию Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва) / отв. ред. С.Ю. Житинёв. М., 2022.
- Ольшевская Г.К.* На передовом рубеже // Музейный фронт Великой Отечественной войны. М., 2014. С. 288–292.
- Разгон А.М.* Эвакуация музеев и музейных коллекций в период Великой Отечественной войны // Слово о соратнике и друге: к 80-летию А.М. Разгона. М., 1999. С. 121–133.
- Свирина О.В.* Героические московские будни // Музейный фронт Великой Отечественной войны. М., 2014. С. 294–300.
- Терюкова Е.А.* Центральный антирелигиозный музей в Москве: страницы истории (1929–1947) // Религиоведение. 2019. № 4. С. 121–127.
- Фатагирова Н.В.* Музейное дело в РСФСР в годы Великой Отечественной войны (аспекты государственной политики) // Музей и власть: сборник научных статей. М., 1991. С. 173–225.
- Шингарева Е.А.* Хроника будней военных лет // Музейный фронт Великой Отечественной войны. М., 2014. С. 264–278.

References

- Aleksandrova N.V.* “Drugaya” vojna [The “other” war] // Muzejnyj front Velikoj Otechestvennoj vojny [Museum Front of the Great Patriotic War]. Moskva, 2014. S. 236–244. (In Russ.)
- Andronova T.I.* Kniga-boec [The book is a fighter] // Muzejnyj front Velikoj Otechestvennoj vojny [Museum Front of the Great Patriotic War]. Moskva, 2014. S. 280–286. (In Russ.)
- Buyanova N.V., Vlasova M.S., Zhukova L.A.* V evakuacii [In evacuation] // Muzejnyj front Velikoj Otechestvennoj vojny [Museum Front of the Great Patriotic War]. Moskva, 2014. S. 310–318. (In Russ.)
- Fatagirova N.V.* Muzejnoe delo v RSFSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (aspekty gosudarstvennoj politiki) [Museum business in the RSFSR during the Great Patriotic War (aspects of state policy)] // Muzej i vlast': sbornik nauch. statej [Museum and power: collection of scientific articles]. Moskva, 1991. S. 173–225. (In Russ.)
- Garnyuk S.D.* Moskovskaya vlast'. Sovetskie organy upravleniya. Mart 1917 — oktjabr' 1993. Spravochnik [Moscow authorities. Soviet governing bodies. March 1917 — October 1993. Directory]. Moskva, 2011. (In Russ.)
- Ginzburg T.V.* Povоротnye gody [Turning years] // Muzejnyj front Velikoj Otechestvennoj vojny [Museum Front of the Great Patriotic War]. Moskva, 2014. S. 252–262. (In Russ.)
- Kantor Yu.Z.* Nevidimyj front. Muzei Rossii v 1941–1945 gg. [The invisible front. Museums of Russia in 1941–1945]. Moskva, 2017. (In Russ.)
- Karapetyan L.A.* K voprosu o nedostatках gosudarstvennoj politiki ohrany muzejnyh sobranij v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [To the question of the shortcomings of the State policy of protecting museum collections during the Great Patriotic War] // Vestnik Krasnodarskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury.

Elektronnyj nauchnyj zhurnal [Bulletin of the Krasnodar State Institute of Culture. Electronic scientific journal]. 2020. № 1. URL: <https://vestnikkguki.esrae.ru/24-427> (access date: 13.02.2023). (In Russ.)

Kots A.F. Sobranie sochinenij. T. 3. Gosudarstvennyj Darvinovskij muzej v gody Velikoj otechestvennoj vojny. K 70-letiyu Pobedy v Velikoj Otechestvennoj vojny [Collected works. Vol. 3. The State Darwin Museum during the Great Patriotic War. To the 70th anniversary of Victory in the Great Patriotic War]. Moskva, 2015. (In Russ.)

Moskovskij Kreml' v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [The Moscow Kremlin during the Great Patriotic War] / ruk. E.A. Murov, S.V. Devyatov, V.I. Zhilyaev i dr. Moskva, 2010. (In Russ.)

Nauka o kul'ture. K 90-letiyu Rossijskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta kul'turnogo i prirodnogo naslediya imeni D.S. Lihachyova [The 90s of the Russian Research Institute of Cultural and Natural Heritage named after D.S. Likhachev] / otv. red. S.Y. Zhitenev. Moskva, 2017. (In Russ.)

Ol'shevskaya G.K. Na передовom rubezhe [At the forefront] // Muzejnyj front Velikoj Otechestvennoj vojny [Museum Front of the Great Patriotic War]. Moskva, 2014. S. 288–292. (In Russ.)

Razgon A.M. Evakuaciya muzeev i muzejnyh kolekcij v period Velikoj Otechestvennoj vojny [Evacuation of museums and museum collections during the Great Patriotic War] // Slovo o soratnike i druge: k 80-letiyu A.M. Razgona [A word about a colleague and a friend: to the 80th anniversary of A.M. Razgon]. Moskva, 1999. S. 121–133. (In Russ.)

Shingareva E.A. Hronika budnej voennyh let [Chronicle of everyday life of the war years] // Muzejnyj front Velikoj Otechestvennoj vojny [Museum Front of the Great Patriotic War]. Moskva, 2014. S. 264–278. (In Russ.)

Svirina O.V. Geroicheskie moskovskie budni [Heroic Moscow everyday life] // Muzejnyj front Velikoj Otechestvennoj vojny [Museum Front of the Great Patriotic War]. Moskva, 2014. S. 294–300. (In Russ.)

Teryukova E.A. Central'nyj antireligioznyj muzej v Moskve: stranicy istorii (1929–1947) [The Central Antireligious Museum in Moscow: pages of History (1929–1947)] // Religiovedenie [Religious studies]. 2019. № 4. S. 121–127. (In Russ.)